

По письму Старого Судьи къ гр. Л. Н. Толстому о его романѣ „Воскресеніе“ можно убѣдиться въ томъ, что и судья трудно избѣжать общечеловѣческой слабости; что и ему трудно быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Я предлагаю потому пересмотрѣть дѣло вновь, по возможности, безпристрастно. Я не согласенъ съ выводами почтеннаго автора открытаго письма; во мнѣ, думаю, и въ другихъ, „Воскресеніе“ возбудило инныя мысли, вызвало иное настроеніе. Произошло это, какъ я теперь вижу, вслѣдствіе того, что при чтеніи романа, съ первыхъ главъ его, я поглощенъ былъ намѣреніями художника, но совсѣмъ не тѣми, которыя приписываетъ ему Старый Судья. „Очевидною цѣлью романа, думаетъ онъ, было изобразить бездушный персоналъ судей, для которыхъ личность преступника совершенно исчезаетъ, которые думаютъ только о себѣ“, и т. д.; но очевидная цѣль романа совсѣмъ не та; на нее указываетъ и самое заглавіе. Цѣлью романа было изобразить воскресеніе умершей души человѣческой, и мы, читатели, были и останемся свидѣтелями этого воскресенія. Въ каждомъ романѣ есть герой и героиня; въ „Воскресеніе“ герой—Нехлюдовъ; героиня—Катя Маслова. На ней главнымъ образомъ сосредоточивается наше вниманіе, потому-что смертный сонъ ея былъ глубже: но тѣмъ торжественнѣе и радостнѣе ея воскресеніе. Завязка романа произошла задолго до событія, при которомъ мы встрѣчаемся въ судебномъ засѣданіи, въ залѣ Окружнаго суда, съ героемъ и героиней; полжизни уже позади ихъ. Впослѣдствіи, при развитіи фабулы, Нехлюдовъ присутствуетъ еще при одномъ судебномъ засѣданіи въ Сенатѣ. Въ романѣ, такимъ образомъ, выставлено всего два состава судебныхъ засѣданій по одному и тому-же дѣлу въ разныхъ инстанціяхъ. Можно ли по этому обратиться къ гр. Толстому съ упрекомъ въ томъ, что онъ „съ обидной тенденціозностію дѣлаетъ умышленный подборъ личностей и случайностей и въ цѣлой обширной судейской семьѣ не находитъ ни одного симпатичнаго и честнаго человѣка“.